

Саводник Владимир Федорович

**Чувство природы в поэзии
Пушкина, Лермонтова и Тютчева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Федорович С.**
Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева / Саводник Владимир Федорович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 215 с.

ISBN 978-5-519-84388-1

ISBN 978-5-519-84388-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева.

Чувство природы, по своему психическому составу, отличается большою сложностью. Уходя своими корнями въ таинственную глубь бессознательнаго, сближая и родня человѣка со стихійной міровой жизнью, разлитой вокругъ него, оно вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своихъ высшихъ проявленіяхъ, тѣсно граничитъ съ наиболѣе высокими, чисто-человѣческими сферами дѣятельности нашего духа, переплетается со стремленіями и эмоціями эстетическими, моральными, религіозными. Вслѣдствіе этого и самыя формы проявленія чувства природы отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ, видоизмѣняясь въ зависимости отъ темперамента человѣка, общаго склада характера и міросозерцанія, преобладающихъ интересовъ, жизненныхъ условій, воспитанія, обстановки и т. д. При этомъ чувство природы очень часто тѣснѣйшимъ образомъ сочетается съ тѣми или другими элементами душевной жизни, образуя такимъ путемъ весьма сложный психическій комплексъ, отдѣльныя части котораго находятся въ состояніи внутренняго взаимодействія.

Психологія сложныхъ эмоцій, какъ извѣстно, до сихъ поръ находится еще въ зачаточномъ состояніи. Воздерживаясь отъ преждевременныхъ обобщеній и выводовъ, изслѣдователь принужденъ ограничиться пока простымъ собираніемъ матеріала, его анализомъ, группировкой и классификаціей. Какимъ же матеріаломъ мо-

жемъ мы располагать, въ частности, при изученіи чувства природы и откуда должны мы его почерпать? Конечно, чувство природы знакомо большинству людей изъ собственнаго внутренняго опыта, но не у всѣхъ оно одинаково развито: у очень многихъ оно не возвышается надъ уровнемъ физиологическихъ ощущений: пріятнаго и непріятнаго, не составляетъ существеннаго элемента ихъ сознательной духовной жизни. Затѣмъ, отличаясь большой сложностью, чувство это вмѣстѣ съ тѣми чрезвычайно индивидуально; поэтому строить какіе-либо выводы только на основаніи данныхъ личнаго внутренняго опыта, конечно, совершенно невозможно. Приходится, слѣдовательно, отъ самонаблюденія, основнаго метода психологическаго анализа, обратиться къ наблюдению и отыскать такую область фактовъ, гдѣ бы проявленія чувства природы отражались съ наибольшею яркостью. Такою областью, наиболее доступною нашему наблюдению и наиболее богатою искомымъ матеріаломъ, является *искусство*, въ различныхъ его отрасляхъ: живописи, музыки и поэзіи. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что чувство природы тѣснѣ всего связано съ эстетическими эмоціями: поэтому вполне естественно, что именно въ произведеніяхъ живописцевъ, композиторовъ и поэтовъ находимъ мы наиболее яркое и законченное выраженіе, объективацию знакомаго каждому человѣку по личному внутреннему опыту чувства природы, въ его различныхъ проявленіяхъ.

Первымъ, обратившимъ вниманіе на тотъ кругъ душевныхъ явленій, который составляетъ предметъ нашего изученія, былъ *Гумбольдтъ* (въ „Космосъ“, 1845); ему же

принадлежить и самый терминъ: „чувство природы“ (Naturgefühl), утвердившійся съ тѣхъ поръ среди психологовъ, эстетиковъ и историковъ искусства. Въмѣстѣ съ тѣмъ Гумбольдъ первый указаль на тотъ фактъ, что чувство природы въ разныя эпохи проявляется различнымъ образомъ, что оно видоизмѣняется соотвѣтственно съ преобладающими вкусами эпохи, ея общимъ характеромъ и настроеніемъ. Такимъ образомъ уже Гумбольдъ предполагалъ, что чувство природы не есть ничто неизмѣнное по своему составу и формамъ проявленія, но что оно съ теченіемъ времени переживаетъ нѣкоторую *эволюцію*, подчиняясь какимъ-то, для насъ еще мало яснымъ, законамъ историческаго развитія. Съ тѣхъ поръ изученіе проявленій чувства природы въ поэтическомъ творествѣ значительно подвинулось впередъ и породило на Западѣ цѣлую довольно обширную литературу. Въ 1848 г. появилась первая монографическая работа Лапрада, посвященная этому вопросу: „Du sentiment de la nature dans la poésie d'Homère“. Нѣсколько лѣтъ спустя Рескинъ въ третьемъ томѣ своего извѣстнаго труда „Modern Painters“ (1856) отвелъ почти половину книги разсужденію о различныхъ формахъ чувства природы въ классическую, средневѣковую и новую эпоху. Съ тѣхъ поръ появился цѣлый рядъ болѣе или менѣе цѣнныхъ работъ, изъ которыхъ нѣкоторыя охватываютъ вопросъ во всей его сложности, ставятъ себѣ цѣлью прослѣдить проявленіе чувства природы въ поэзіи разныхъ народовъ, на протяженіи многихъ вѣковъ (Biese, Paul de Laprade, Palgrave, John Grand-Carteret), другія же ограничиваютъ свою задачу

болѣе тѣсными предѣлами какой-либо определенной эпохи или же посвящены монографическому изученію отдѣльных писателей (Friedländer, Wörmann, Stockmayer, Arthur Kutscher, Siegmar Schultze, Pache, Mornet Veitch, Reynolds, Moorman и др.). Что касается до русской литературы, то въ ней вовсе не имѣется специальныхъ работъ по данному вопросу, не считая статьи К. К. Арсеньева о пейзажѣ въ русскомъ романѣ и отдѣльных, часто вѣрныхъ и мѣткихъ, замѣчаній и наблюденій въ критическихъ статьяхъ Вл. Соловьева, Розанова, Котляревскаго, Айхенвальда, Перцова и др. Между тѣмъ наши поэты даютъ въ этомъ отношеніи богатый и разнообразный матеріалъ, такъ какъ въ творчествѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ чувство природы играетъ видную, иногда преобладающую роль, а внушенныя имъ произведенія нерѣдко принадлежать къ числу неувядаемыхъ образцовъ поэтического вдохновенія. Въ предлагаемой работѣ мы поставили себѣ задачей изучить проявленія чувства природы въ произведеніяхъ трехъ поэтовъ, дѣятельность которыхъ олицетворяетъ собой разцвѣтъ русской поэзіи: Пушкина, Лермонтова и Тютчева *). Но такъ какъ въ творчествѣ ихъ, особенно у перваго, отразились черты предшествовавшихъ эпохъ, то мы считаемъ нелишнимъ бросить бѣглый взглядъ на проявленія этого чувства у ихъ предшественниковъ,

*) Предлагаемый очеркъ представляетъ собой отдѣльныя главы изъ подготавлиаемаго къ печати труда, посвященнаго изученію чувства природы въ русской художественной литературѣ. Глава о Пушкинѣ, съ нѣкоторыми сокращеніями, была прочитана авторомъ, въ видѣ отдѣльнаго доклада, въ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, весною 1908 года.

какъ въ русской, такъ и въ западно-европейской поэзіи, ибо первая представляла собой въ XVIII и началѣ XIX вѣка лишь болѣе или менѣе близкое подражаніе западнымъ образцамъ.

I.

Эпоха псевдо-классицизма, съ его академической сухостью, искусственностью и условностью, вообще не представляла благоприятныхъ условій для свободнаго развитія чувства природы. Поэзія, заключенная въ рамки строгихъ „правилъ“, давала мало простора для проявленія индивидуальных настроеній. Холодная реторика, шумиха громкихъ фразъ слишкомъ часто заслоняли непосредственное переживаніе, лишая поэтическія произведенія отпечатка жизненной правды и искренности. Духъ изысканности и манерности являлся господствующимъ вкусомъ эпохи: онъ налагалъ свой отпечатокъ не только на поэзію и на другіе виды искусства, но отражался также на всей обстановкѣ жизни, на нравахъ общества, на пріемахъ общежитія, даже на самомъ отношеніи къ внѣшней природѣ: природа, въ ея безыскусственной простотѣ, казалась слишкомъ неприглядной, неинтересной глазу, привыкшему къ изысканной красотѣ, къ строгой законченности формъ, и этотъ вкусъ эпохи нашелъ себѣ выраженіе въ искусствѣ Ленотра, въ знаменитыхъ Версальскихъ садахъ. Придворный кавалеръ Людовика XIV, вѣроятно, и самый рай небесный представлялъ себѣ по образу этихъ садовъ, съ ихъ геометрически правильными линіями, гладко под-

стриженными деревьями, зелеными нишами и мифологическими изваяніями.

Торжественная ода, героическая поэма, высокая трагедія,—господствующіе литературные жанры эпохи, также совершенно не подходили для выраженія живого чувства природы. Впрочемъ, наряду съ этими серьезными и строгими видами литературы существовала еще пасторальная идиллія, достигшая особеннаго процвѣтанія въ эпоху Регентства и Людовика XV, вмѣстѣ съ легкой эротической поэзіей, въ которой наиболѣе ярко отразился духъ этого безумно-легкомысленнаго вѣка, беззаботно танцовавшаго надъ вулканомъ. Но и въ этихъ видахъ поэзіи мы видимъ ту же искусственность и условность; пейзажъ, изображаемый въ пасторальныхъ, представляетъ собой театральную декорацию, на фонѣ которой разыгрывается аркадская идиллія—въ фижмахъ и робронахъ, и со шпагой при бедрѣ. Впрочемъ, нѣкоторая перемена въ отношеніяхъ къ внѣшней природѣ замѣчается уже и здѣсь: вкусъ эпохи рококо уже не удовлетворяется геометрической красотой Версальскихъ садовъ, онъ скучаетъ среди ихъ величественной правильности: въ идилліяхъ и пасторальныхъ мы видимъ уже нѣкоторый поворотъ къ природѣ, хотя поэты ищутъ въ ней преимущественно внѣшней красоты, уютности. Улыбающійся пейзажъ, съ цвѣтущей лужайкой, зеленой рощицей, сверкающимъ ручейкомъ—вотъ обычная декорация въ ихъ изображеніяхъ природы, „любезной натуры“, какъ выражались тогда.

Человѣкъ, который пробудилъ въ европейскомъ обществѣ дремавшую любовь къ природѣ и далъ могуще-

· ственнѣйшій толчекъ къ развитію этого чувства въ литературѣ, былъ Руссо*). Выступивъ съ пламеннымъ протестомъ противъ культуры, которой онъ ставилъ въ вину всѣ противорѣчія и темныя стороны современной жизни, Руссо написалъ на своемъ знамени: „назадъ къ природѣ“. Его проповѣдь возвращенія къ природѣ имѣла громадный успѣхъ среди современнаго общества, уставшаго отъ искусственности и манерности. Всѣхъ потянуло изъ раздушенныхъ салоновъ на вольный воздухъ, на свѣтъ Божій. Бокъ-о-бокъ съ Версальскими садами возникъ Трианонъ, съ его запущеннымъ паркомъ, среди котораго Марія Антуанетта идиллически занималась молочнымъ хозяйствомъ. Всѣ стремились наслаждаться природой, точно впервые замѣтили и оцѣнили всю красоту внѣшняго міра. Природа была открыта. Жанъ-Жакомъ Руссо, какъ Америка Колумбомъ, — въ особенности это можно сказать относительно горной природы Швейцаріи, красоту которой до Руссо мало кто чувствовалъ и понималъ: Руссо первый ввелъ горный ландшафтъ въ художественную литературу.

*) Въ недавно вышедшей книгѣ Mornet: „Le sentiment de la nature en France de J. J. Rousseau à Bernardin de Saint-Pierre“ сгруппированы любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ постепенно подготавливалось во французскомъ обществѣ и литературѣ это увлеченіе природой, выразителемъ котораго сталъ Руссо. Аналогичное движеніе замѣчается въ эту эпоху и въ Англіи (Уинчельси, Рамзай, Томсонъ, Юнгъ, Грей, Гольдсмитъ) и въ Германіи (Галлеръ, Глеймъ, Брокесъ, Гагедорнъ, Гесснеръ). Все это однако не умаляетъ того громаднаго вліянія, какое оказалъ на развитіе и распространеніе чувства природы Руссо, давшій опредѣленную форму и направленіе тому настроенію, которое уже носилось въ воздухѣ, и сообщившій ему особенную силу заразительности.

Одновременно съ Руссо и независимо отъ него дѣйствовали въ томъ же направленіи англійскіе поэты: Томсонъ, Юнгъ и др. „Времена года“ Томсона (1730), проникнутыя глубокой любовью къ природѣ, вызвали многочисленныя подраженія и переводы. Еще большій успѣхъ имѣли Юнгъ, Грей и Оссіанъ, съ ихъ меланхолическими и мрачными ночными пейзажами. Успѣхъ этотъ показываетъ, что въ самомъ характерѣ чувства природы произошла рѣзкая перемѣна. Появляется интересъ и тяготѣніе ко всему „романтическому“ въ природѣ: къ дикимъ и мрачнымъ картинамъ, съ утесами, ущельями, стремнинами и т. д. Весьма мѣтко формулировалъ эту разницу между классическимъ и романтическимъ воспріятіемъ природы остроумный Жанъ-Поль Рихтеръ: „Классическій пейзажъ, — говоритъ онъ, — залитъ золотымъ свѣтомъ солнца, а въ романтическомъ — царитъ томный и загадочный блескъ луны“. Пржевніе поэты изображали цвѣтущую, улыбающуюся, идиллическую природу, живописали мирныя „прелести натуры“, — поэты сентиментально-романтической школы всего охотнѣе вели своихъ читателей на кладбище, въ пустыню или на берегъ моря, въ грозу и въ бурю. Вѣяніе тихихъ зефировъ замѣнилось свистомъ и воемъ ночного вѣтра, пѣніе жаворонковъ и соловьевъ — дикими криками совы въ развалинахъ. Въмѣсто строгихъ и отчетливыхъ линій яснаго пейзажа вся окрестность задернулась пеленою тумана, среди котораго таинственно мелькали Оссіановскія тѣни... Такимъ образомъ со-
здался особенный стиль пейзажа, особенный пріемъ въ изображеніи вышней природы, — стиль, столь же услов-

ный и искусственный, какъ и старая бутафорія ложно-классической инсценировки, но отразившій въ себѣ уже инныя характерныя черты вкуса новой эпохи.

Русская литература переживала въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка свои ученическіе годы. Въ теченіе этого времени она свѣтила отраженнымъ свѣтомъ, падавшимъ на нее сквозь то окно, которое нѣкогда пробилъ Петръ Великій въ Европу. Смѣна литературныхъ школъ, вкусовъ и настроеній, происходившая на Западѣ, немедленно отражалась и у насъ, хотя подчасъ въ искаженной или, обыкновенно, ослабленной формѣ. Такъ и чувство природы, въ его литературномъ отраженіи, проходило у насъ черезъ тѣ же фазисы развитія, какъ и въ культурныхъ европейскихъ странахъ. Господствовавшій въ русской литературѣ въ теченіе большей части XVIII стол. псевдо-классицизмъ, какъ уже было указано, вовсе не способствовалъ свободному развитію живого чувства природы. Излюбленной формой лирики въ эту эпоху была, какъ извѣстно, торжественная ода, въ которой упражнялись всѣ наши поэты, начиная съ Тредьяковского и Ломоносова. Въ этихъ громогласныхъ одахъ мы почти не встрѣчаемъ изображенія явленій внѣшняго міра, которыя большей частью замѣняются различными мифологическими образами, олицетворявшими тѣ или другія силы и явленія природы: Церера, Флора, Аврора Нептунъ, Эолъ, Борей и т. д. Тамъ же, гдѣ авторы даютъ намъ картину внѣшняго міра, картина эта имѣетъ большей частью аллегорическое значеніе и должна быть истолкована иносказательно. Такъ, напр., въ

12-й одѣ Ломоносова мы находимъ изображеніе весны, которое однако должно понимать, какъ олицетвореніе радости счастливыхъ россіянъ по случаю рожденія вел. князя Павла Петровича. Точно также изображеніе этого же самаго Павла Петровича счастливые россіане узнавали въ стихахъ Державина, которыми онъ притѣствовалъ воцареніе Александра I-го.

Умолкъ ревѣ Норда сиповатый,
Закрылся грозный страшный взглядъ...

Примѣрами подобнаго аллегорическаго примѣненія картинъ природы можетъ служить и слѣдующій эпизодъ изъ одного „Посланія“ кн. Кантемира, который я позволяю себѣ привести здѣсь въ качествѣ перваго опыта изображенія природы въ русской поэзіи. Посланіе это написано въ 1730 году; оно обращено къ Теофану Прокоповичу и носитъ названіе „Epodos consolatoria“. Въ отвѣтъ на жалобы Теофана на преслѣдованіе и притѣсненія со стороны представителей невѣжественной старины, „истинно-русскихъ“ людей XVIII вѣка, овладѣвшихъ правительственной властью въ царствованіе Петра II-го, Кантемиръ увѣщаетъ друга не сѣтовать и не падать духомъ, такъ какъ съ воцареніемъ импер. Анны надъ Россіей занимается заря новой жизни: это обновленіе русской жизни онъ изображаетъ въ видѣ наступленія весны, а самое импер. Анну—въ видѣ богини Діаны.

Послыша весну уже ластовицы
Появились,
Ужъ журавли и ны птицы
Возвратились.
Солнце съ барашка ужъ на близія
Преступило: